

Бог как Возлюбленный в поэзии Хафиза

*Едва на тюрка из Шираза с любовью в сердце я взгляну —
И Самарканد, и Бухару я отдаю за родинку одну!*

Согласно преданию, эти строки Хафиза попались на глаза завоевателю Тимуру (Тамерлану). Властелин впал в ярость и велел доставить Хафиза к себе во дворец: «Да как ты посмел мои лучшие города оценить ниже какой-то родинки на лице своего друга?!..»

Поэт за словом в карман не полез: «О досточтимый шах, взгляни на мой рваный халат и стоптанные туфли — вот до какой нищеты я дошел, отдавая за родинки целые города!»

Тимур рассмеялся и одарил Хафиза золотом.

На самом деле поэт покинул наш мир за четыре года до вторжения войск Тимура в Шираз — родной край Хафиза (хотя первое покорение Шираза произошло еще при жизни поэта). Так что достоверность приведенной легенды под сомнением. Однако же порой поэтическая реальность превосходит физическую, вдохновляя целые поколения и расширяя их духовный кругозор...

Один из величайших стихотворцев мира. Суфийский философ, выразивший свои оригинальные взгляды на природу Бога и человека в тончайших стихах. Мастер, отточивший персидскую метафорику

до алмазного блеска каждого символа и слова. Певец, явивший Высшую истину в образах кравчего и гуляки, соловья и розы, винной чаши и курящегося ладана, тоскующего влюбленного и надменного возлюбленного... Вот далеко не полный перечень достоинств Хафиза, творчеству которого посвящена наша книга.

«Хафиз» означает — «знаток Корана наизусть». Символически это прозвание можно отнести к «знанию наизусть» путей, ступеней и уровней духовного мира, а также проявлений и оттенков религиозного экстаза, вводящего человека в общение с Самим Богом. Хафиз довел до совершенства суфийскую образно-поэтическую систему, ставшую корнем поэзии Ирана и ряда других мусульманских стран.

Под видом простых, всем знакомых явлений и переживаний — винопития и весенней радости, любви и разлуки — Хафиз описывает тайны бытия земного и посмертного, включая такие глубины гнозиса, которые не были выражены ранее никем. К ним и поныне нельзя прикоснуться, минуя колossalный духовный опыт Хафиза.

Его имя, его стихи и напевы веками не сходят с уст миллионов персов и других восточных народов, озаряя их сердца. Как у нас строки Пушкина, так на Среднем Востоке слова Хафиза — первое, что слышат еще в младенчестве и помнят всю жизнь.

Что же привлекает к его поэзии, притягивает к его метафорике и музыке? В чем тайна его величия, столь близкого душам как царей, так и пастухов?

Хафиз — певец свободы. Свободы личной, социальной, религиозной. Свободы от пут обрядоверия и лицемерия, «запаучивших» тех, кто полностью подвластен матрице своей эпохи и своего социума. Но свобода мышления и поведения Хафиза, ставшая эталоном для его читателей, неотделима от высочайшей нравственности и благородства жизни. Это и лежит в основе влияния, которое Хафиз веками оказывает на целые народы, воспитывая их чувства и просвещая разум. Свобода духовного восхождения, жертвенная любовь, бережное отношение к жизни — вот чему учит Хафиз своих почитателей. Отсюда — его не только национальная, но и всемирная слава.

В знаменитой арабской поэме «Меджнун и Лейли» задается вопрос: как узнать Меджнуна в толпе? Ответ прост: у него на устах — всегда

имя Лейли, и только ее одной... Можно сказать, что и Хафиз — певец одной, но чрезвычайно многогранной темы. Тема эта — «любовь и вино». Однако его любовь — высокая и преданная, а вино поэт пьет благородно и умеренно. При таком буквальном восприятии лирики Хафиза его стихи общепонятны. Однако же за образами любви и вина скрывается целая система метафор, свойственная суфизму в целом. Здесь кравчий — это Сам Творец, напояющий все сущее «вином бытия», а Своих преданных вводящий в духовный экстаз. Любовь же здесь — состояние единения Бога с человеком и людей между собой: люди взаимно служат «зеркалами» Божественного Лица. А описания прихода и ухода Возлюбленного, Его согласия на встречу или отказа от нее, Его сострадания или жестокосердия передают филигранно разработанное учение о ступенях духовного пути и того экстаза, который переживает дервиш — «искатель» Бога.

При этом буквальный и символический смыслы лирики Хафиза настолько неотделимы друг от друга, что часто невозможно провести между ними границу. Поэтому перед переводчиком постоянно вставал вопрос: писать ли имена и местоимения, относящиеся к адресату лирики Хафиза, с большой буквы или с маленькой? Говорится ли в каждом данном случае о Боге — или о человеке?

Не нужно думать, будто две стороны творчества Хафиза — буквальная и духовно-мистическая — предназначены для людей разного уровня. Как природа является манифестацией Бога, так и бытовые образы Хафиза приоткрывают мир незримый. И в этом — одна из целей его творчества: возводить наше восприятие от привычного — к нежданному, от затверженного — к потрясающему.

Что нам известно о жизни великого поэта? Ее приблизительные сроки — 1315–1390 гг. «Подмостки» его земного бытия — это цветущий, обильный плодами, земными и духовными (прежде всего — поэзией) иранский Шираз, восторженно воспетый поэтом и запечатленный в самом имени Хафиза Ширазского. Полное же его имя — Шамс ал-Дин Мухаммад. Символично, что первая часть этого имени — Шамс — означает «солнце»: Хафиза нередко называли «Солнцем Поэзии».

Он был ширазцем уже в третьем поколении: его дед переселился в Шираз из Исфахана. Отец, Бахаэддин (согласно другим источникам, Камаэддин) был богатым купцом. Он умер очень рано, оставив троих детей, из которых Хафиз был младшим. Мать, лишившись средств, устроила мальчика в пекарню, где готовили дрожжи. Это тоже символично: «на дрожжах» его поэтических достижений «взошло тесто» всей последующей персидской литературы.

Подростка потянуло в школу (медресе), расположенную по соседству: душа его, предчувствуя свое особое назначение, жаждала знаний. И мальчик стал отдавать треть своего грошового заработка учителю. Другая треть шла матери, а на последнюю он едва сводил концы с концами — вплоть до дня, когда не только освоил чтение и грамматику, но и выучил наизусть весь Коран. Образность и поэтика священной Книги легли в основу творчества Хафиза в сочетании с опытом поэтов-предшественников.

Ширазские горожане, торговцы и ремесленники, очень любили поэзию: высокая культура слова отличала в те времена иранцев в целом — и особенно ширазцев. В одной из лавочек (духанов), где устраивались поэтические вечера, Хафиз и начал выступать со своими стихами. Его строфы, еще несовершенные, вызвали сарказм у местных знатоков.

Однажды, как гласит легенда, уязвленный насмешками Хафиз пошел к гробнице (мазару) поэта-суфия Баба-Кухи, который, как верили, мог помочь нуждающимся своей молитвой. Здесь юноша, рыдая, в течение сорока дней жаловался на свое неумение выразить в слове то, чем полнилось его сердце. Наконец, он увидел возле гробницы удивительный сон — величественный старец предстал перед ним со словами: «Поднимайся и следуй собственной дорогой: ныне отворились для тебя врата разумения!» Потрясенный поэт спросил: «Кто ты?» — и услышал в ответ: «Я — Али!» Али, родственник пророка Мухаммада и, по учению шиитов, его истинный преемник, считался покровителем взыскующих Истины...

Проснувшись, Хафиз ощущал особую благодать — «бараку» (благословение), позволявшую мгновенно облекать свои мысли в прекрасные строки. Тотчас он сочинил такие стихи:

Я от скорби исцелился в измерении ином,
Из потока воду жизни пил я в сумраке ночном!

Я расстался сам с собою, в Вечном Свете растворяясь,
И воскрес, испив из чаши с оживляющим вином!

Ночь прошла — я наслаждаюсь полыханием зари,
Я для жизни пробудился, распростявшись со смертным сном!

В дивном зеркале узрел я мирозданья красоту,
Но узнал не о вселенной — только о себе одном...

Буду петь и веселиться, танцевать и ликовать:
Вспомнил обо мне Создатель — о бессильном и больном!

Торжество моё настало, я победу одержал.
И врагов моих надежды перевёрнуты вверх дном!

Словно сахар — мои песни, словно мёд — мои слова:
Я вкушаю дар сладчайший в состоянье неземном!

О Хафиз! Ручьём медовым пусть текут твои стихи,
Ты хвалу Владыке Мира пой в наитии хмельном!¹

Вернувшись в духан, где раньше осмеивали его стихи, Хафиз продекламировал эти новые строфы, и все признали их совершенными по мысли и по форме. Чтобы доказать, что он — автор, Хафиз тут же сочинил поэтический ответ на предложенную ему газель. После этого слава Хафиза стала расходиться по Ширазу и вскоре вышла за его пределы.

Еще некоторое время поэт жил на доходы от публичного чтения Корана, вплоть до дня, когда его собственные творения начали восхищать окружающих и приносить ему прибыль.

Хафиз уже в юности изучил целый ряд книг — главным образом, толкования Корана и суфийские мистические сочинения. Сам он создает не только стихи, но и теологический трактат, привлекший

¹ Здесь и далее — стихи в переводе Д. Щедровицкого (прим. ред.)

внимание богословов. Его стихи и религиозные сочинения сделались известны правителям Шираза. Первым покровителем поэта был шах Инджу Абу-Исхак — тонкий ценитель поэзии. Гуманист и весельчак, он проводил целые дни в пирах в избранном обществе — среди стихотворцев и мыслителей. При этом он был настолько доверчив и беспечен, что, когда соседний властитель напал на Шираз, шах не оказал ему сопротивления. Во время осады города Инджу предавался пиршествам и наслаждался весной. Абу-Исхак был свергнут с трона, заключен в тюрьму и спустя три года казнен.

Хафиз чрезвычайно ценил покровительство Абу-Исхака, восхищался его глубокомыслием и остроумием, упоминал его в своих стихах.

Предшественником власти Абу-Исхака стал деспот и религиозный фанатик Мубариз ад-дин Мухаммад, захвативший Шираз и казнивший своего предшественника. Он, как полагают исследователи, получил прозвище «мухтасиб» — «надзиратель (за нравственностью)», поскольку, педантично следя предписаниям шариата, запретил винопитие и велел закрыть все таверны. Новый шах распустил суфийские собрания, поскольку подозревал их участников в ереси и крамоле. Все это тяжело ударило по интеллектуальной элите города, привело к падению экономики и нашло отражение в стихотворных обличениях Хафиза. В ряде его газелей под «надзирателем» подразумевается именно этот правитель:

Нам в голову ударили хмель, роз ароматы полились,
Но над вином и над струной взор надзирателя навис!..

...Хоть винный мех и милый друг с тобою рядом, берегись,
Опасно пить: над головой грозою тучи налились!

От взора власти чашу спрячь, её под рубищем сокрой,
Ведь вместо красного вина — потоки крови полились!..

Как следует из этих строк, репрессии против суфиев принимали кровавый характер. Некоторых единомышленников Хафиза арестовали и казнили.

Однако же кара небесная, призывающаяся Хафизом и его друзьями на голову тирана, не замедлила свершиться. Сын шаха — Джалаеддин Абулфаварис, Шах Шуджа, ослепил своего отца и отнял у него трон. Человек образованный и в первое время далеко не фанатичный, Шах Шуджа разрешил вновь открыть таверны и возобновить собрания суфиеv.

Он окружил себя, как в свое время шах Абу-Исхак, поэтами и мудрецами. Суфийская элита вновь расцвела, и со стороны ее представителей полились дифирамбы в честь нового владыки. «Первую скрипку» (в данном случае следовало бы сказать — « первую флейту ») в этих восхвалениях играл сам Хафиз.

Однако вскоре у поэта с шахом произошел конфликт. Шах Шуджа сам писал стихи, мнил себя гением и завидовал Хафизу. Он искал предлог, чтобы придаться к поэту. И подходящий случай предоставился: Хафиз подверг осмеянию одного факиха (законоведа), который научил кота подражать движениям молящихся — кланяться и опускать голову. Сатира Хафиза вызвала негодование Шаха Шуджи: разве можно насмехаться над благочестием?.. И шах громко, перед собранием придворных, обличил Хафиза в «несовершенстве» его стихов, утверждая, что в них отсутствует цельность: часть газели посвящена вину, часть — любви, а оставшиеся строки — размышлениям о Боге. Такая «мозаичность» якобы противоречила поэтическому канону... Это заявление показало полное непонимание правителем системы образов Хафиза, в которой вино и любовь как раз и символизируют экстаз единения с Богом. Цельность и завершенность каждой его газели очевидны.

Не довольствуясь литературными нападками, Шах Шуджа еще и обвинил поэта в ереси. Он отметил одну из газелей, в которой Хафиз восхищался юношой-христианином, утверждая, что братолюбие может распространяться на любого человека, независимо от его вероисповедания:

...Если Ислам есть любовь, которой охвачен Хафиз,
Жаль, что проходят мгновения... Время, остановись!...

Поэт говорит здесь, что взаимное притяжение между людьми не зависит от их религии. Любовь есть цель всякой веры, и проявлять ее следует постоянно.

Однако приидиличивый шах усмотрел в этих строках «поругание Ислама». Мол, как же так: поэт сводит весь смысл веры к любви! Да еще к кому? К иноверцу!.. Шах Шуджа намеревался наказать Хафиза за эти строки.

Поэта спасло Провидение, направив в Шираз известного мыслителя и законоведа Зайнуддина Абу-Бакра. Этот проницательный ученый, вникнув в ситуацию Хафиза, посоветовал ему изменить «подозрительные» строки, приписав их не себе, а другому лицу. Для этого поэт предпослал упомянутому mestu газели еще одно двустишие:

Вот что сыграл на свирели некий поклонник Креста,
Вникни в его изреченье, в смысл его слов углубись:

«Если Ислам есть любовь, которой охвачен Хафиз,
Жаль, что проходят мгновения... Время, остановись!..»

После этого конфликт разрешился сам собой, ведь слова о «сущности Ислама» оказались вложены в уста не самого Хафиза, а некоего «поклонника Креста», с которого и взятки гладки...

Вскоре в жизни Шаха Шуджи произошли изменения: он подвергся опасности и даже бежал из Шираза, проведя около трех лет в изгнании. Все это настроило его еще более негативно: он стал подозрителен, крайне суров и избрал своей опорой ортодоксов – бескомпромиссных врагов суфизма. Это отразилось и на его отношениях с Хафизом.

В 1373 году Шах Шуджа разгромил мяtek народных масс в Кирмане, проявив чрезвычайную жестокость. Поведение шаха стало практически неотличимо от политики его отца-тирана. Хафиз, опасаясь репрессий, намеревался даже покинуть Шираз и перебраться в Йезд или Исфahan, куда совершал предварительные поездки.

Но Шах Шуджа вскоре умер, а его сын Зайнуль-Абиддин правил совсем недолго: Тимур (Тамерлан) в 1387 году, на время захватив Шираз, сверг Зайна и ослепил его... К власти пришел новый прави-

тель по имени Мансур. Он оказался тонким ценителем поэзии и наладил наилучшие отношения с Хафизом. В дальнейшем, через год после кончины поэта, шах Мансур геройски пал в битве с Тимуром, вторично напавшим на Шираз. Мансур едва не убил самого Тимура, прорвавшись к нему во время сражения. Тимур признавался, что такого героя он никогда еще не встречал...

Помимо шахов, правителей Шираза, в судьбе Хафиза принимали участие также и выдающиеся вельможи. Среди них у поэта появлялись как покровители, так и недруги-завистники. Тех и других Хафиз упоминает в газелях кратко, но всегда незабываемо. Так, к одному из своих ненавистников (из деликатности не называя его по имени) он обратил такие строки:

Что ж ты, мелкий стихотворец, на Хафиза точишь зуб?
Знай: ему дарован свыше каждый стих, любой куплет!

Другой хулитель поэта удостоился следующего «окрика»:

...Молчи, завистник! Я тебе к злословью повод не подам!..

Что касается вельмож – покровителей Хафиза, мы скажем о них в комментариях к отдельным газелям. Эти благородные люди, ценители поэзии, названы либо прямо, либо намеком. Один из них, Хаджи Кавам ад-Дин Тамгачи, был министром финансов у шаха Абу Исхака и поддерживал Хафиза материально. О его щедрости поэт высказался так:

Уже и небо захлестнула, и полумесяца ладью
Хаджи Кавама добродетель – бескрайней щедрости волна!

Как видим, благодаря Хафизу память о Хаджи Каваме осталась в веках.

Другого своего покровителя-визиря Хафиз назвал «вторым Асафом», подчеркивая его сходство с легендарным советником царя Сулеймана (Соломона). Исследователи расходятся в вопросе о том,

именовал ли Хафиз «вторым Асафом» Кавам ад-Дина Мухаммада Сахиба Айара, советника Шаха Шуджи, или же другого вельможу — Джалал ад-Дина Тураншаха:

О Хафиз, ты лучший жемчуг из волны извлёк,
Ведь второй Асаф наставил нас на правый путь!

Из этих строк следует, что Хафиз не только получал средства к жизни от «второго Асафа», но и внимал его наставлениям — возможно, суфийского характера. Поэтому Хафиз так говорит о себе:

Я пред Асафом наших дней склоняюсь, словно раб:
Он, словно дервиш, держит власть, но чужд ему порок!

Хафиз уже в первые годы своего творчества получил такие определения, как «толкователь сокрытого клада» и говорящий «языком сокровенных тайн», поскольку он переводил феномены высшей реальности на язык земных понятий.

Существуют также предания, рисующие Хафиза гениальным импревизатором. Вот одно из них. Встречу поэта с его учеником — юным сыном муфтия — подсмотрел сам Шах Шуджа. Хафиз наливал юноше вино, кубок за кубком, и тот их залпом выпивал. Таким образом оба нарушали запрет винопития. Поскольку же вино символизирует экстаз, речь может идти и о духовном обучении, носившем «еретический» характер. В этот момент Шах Шуджа обнаружил свое присутствие, громко произнеся:

Корана чтец сам кубок наполняет, законовед же,
не стесняясь, пьёт...

Но Хафиз тут же вызвал у правителя улыбку ответным экспромтом:
...А шах следит — и грех их покрывает, и завершить
запретное даёт!

Есть и легенда, связанная с кончиной Хафиза. Муфтии Шираза, желая отомстить поэту за насмешки над их лицемерием, отказывались похоронить его по мусульманскому обряду. Но за Хафиза заступились многочисленные поклонники его творчества. И тогда решили прибегнуть к жребию: мальчика попросили вынуть наугад из сосуда одну из записок с бейтами (двустишиями) Хафиза и прочитали следующие слова:

Не вздрогни, встретив катафалк Хафиза:
Он в рай идёт, хоть и лишён заслуг!

Уверясь, что душа Хафиза и после его смерти влияет на земные дела, собравшиеся впали в трепет. Они достойно похоронили поэта. С тех пор в каждом персидском доме хранится, наряду с Кораном, «Диван» (собрание стихов) Хафиза, который по сей день употребляется для гаданий.

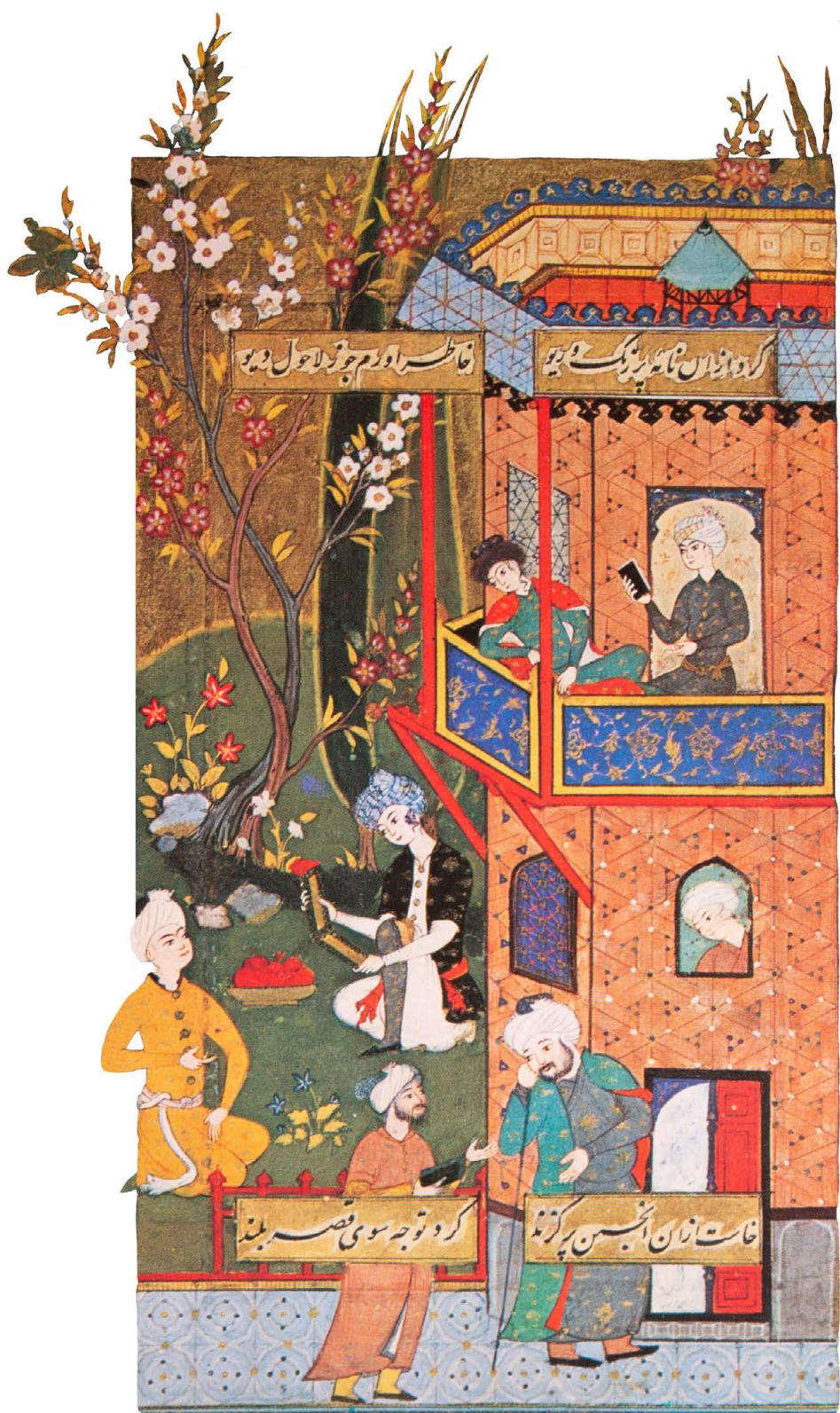
В Европе стихи Хафиза впервые прозвучали по-немецки: их перевел великий Гёте в своем «Западно-восточном диване». Русского читателя с газелями Хафиза ранее всех познакомил Афанасий Фет. Его благородное начинание продолжили многие мастера поэтического перевода. Но их выдающиеся заслуги сопровождались определенными несоответствиями перевода оригиналу. Большинство переводов создавалось в советскую эпоху с ее борьбой против религии, и, чтобы затушевать религиозный смысл поэзии Хафиза, его представляли как «пьяницу и гуляку», якобы выступающего против веры и морали. Кроме того, главный адресат поэзии Хафиза представлял у переводчиков в женском обличье: поэт изображался своего рода «восточным Дон Жуаном», постоянно вздыхающим по «капризной и неверной красавице»... Здесь следует подчеркнуть, что Бог, согласно мусульманским традициям, никогда не представлял в женском образе, и подобная «замена» грубо искаивает всю систему образов Хафиза. Кроме того, женщина не могла выступать на пиру в качестве кравчего.

В наших переводах и комментариях мы постарались избежать упомянутых несоответствий, чтобы адекватно передать мысль Хафиза о «Прекрасном Кравчем», в образе которого выступает сам Бог.

Первым опытом цельного и адекватного изложения религиозных взглядов и поэтической системы Хафиза на русском языке явилась книга Н.И. Пригариной, Н.Ю. Чалисовой и М.А. Русанова «Хафиз. Газели в филологическом переводе», текстами которой мы широко пользовались. Авторам этой книги мы выражаем свое восхищение и глубокую признательность.

Приносим сердечную благодарность М.С. Дименштейн, Д.Р. Дименштейну, Л.А. Именитову, Л.С. Ларикову, М.Н. Овчинниковой, С.Г. Пирогову и Е.Ю. Поповой за неоценимую помощь при работе над книгой.

Дмитрий Щедровицкий

Газель 1

О кравчий, с чашей обойди весь круг друзей — и к нам вернись!
Сперва легка была любовь, но вот страданья начались.

Пока домчится с ветерком волос любимых аромат,
Мы кровью сердца изойдём от прядей, что кольцом свились.

Как на стоянке друга я могу блаженствовать хоть миг?
Ведь колокольчик прозвенел: «Пора! В дорогу соберись!»

Вином свой коврик для молитв окрась, коль маг тебе велит!
О странник! На стоянках так из века в век дела велись.

Как ночь темна, волна страшна, корабль в пучину завлечён!
Поймёте ль нас, коль вы играть на тихой пристани сошлись?

Я был заносчив и упрям — и вот теперь терплю позор:
Как сберегу я свой секрет, коль толпы слушать собрались?

Чтоб вместе с милым пребывать, не оставляй его, Хафиз:
Нашёл желанного — тотчас от дружбы с миром отрекись!

О кравчий... — Образ кравчего (виночерпия) в творчестве Хафиза (как и у всех суфийских поэтов) — двойствен: в буквальном смысле — это прекрасный юноша, разносящий вино в таверне, часто — объект любви автора газели; в сокровенном смысле — это Сам Бог, напояющий жизнью и дарующий вдохновение («вино») братству суфиев, искателей Истины. Вино символизирует единение со Всевышним в божественном экстазе.

...С чашей обойди... — Чаша означает судьбу (ср. евангельское: «Да минует Меня чаша сия...»); чаша с вином — образ благодати, «отмеренной» человеку.

...Обойди весь круг друзей... — Имеется в виду суфийское радение, при котором экстаз охватывает всех участников по очереди («по кругу»).

...И к нам вернись! — Хафиз ставит себя на последнее место, желая блаженных переживаний прежде — друзьям, а уже потом — себе.

Сперва легка была любовь... — «Тарикат» — путь восхождения суфия — начинается с более лёгких ступеней,

а по мере продвижения приносит «страдания» — особые переживания, необходимые для дальнейшего внутреннего роста.

Пока домчится с ветерком волос любимых аромат... — Волосы (кудри, локоны) Друга, то есть Бога, означают весь видимый мир, как бы «вырастающий» из замыслов Творца подобно тому, как волосы растут из головы. Ветер («Рух»), также и «дух»: образ Духа Божьего, который доносит до нас «благоухание» Божественности.

...Мы кровью сердца изойдём... — Поиски Возлюбленного (Создателя) сопровождаются «мучениями любви»: суфий страдает, пока не почувствует присутствие Друга — «аромат Его волос».

...От прядей, что кольцом свились... — Видимый мир уподоблен «кольцу-завитку» кудрей Друга. В этот «силок» уловляется сердце искателя Истины: возникает влечение к материальному миру, пока адепт не поймет, что всё зависит исключительно от Бога, «благоухание» Которого наполняет вселенную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru